

ГРУШЕЧКА

ЖУРНАЛЪ ДЛѢ ДѢТЕЙ

Х. ВЕДЗЕМАНЪ. Гр.

Цѣна на годъ съ дост. . . . 6 р. — к.
 безъ дост. . . . 5 » — »
 На полгода . . . . . 3 » 50 »
 На три мѣсяца . . . . 2 » — »

Редакція: Малая Подъячская, д. 4, кв. 16.

СОДЕРЖАНІЕ: I. Среди природы и людей. С. Лав-
 рентевой. — II. Полосынька. (Стих.). Н. Панова. —
 III. Пашня. Е. Н. Вороздиной. — IV. Плугъ. Э. Эн-
 геля. — V. Бабушка.

СРЕДИ ПРИРОДЫ И ЛЮДЕЙ.

Уголокъ Италіи.

I.

НА БЕРЕГУ Средиземнаго моря, образующаго путь
 въ Генуэзскій заливъ, лежитъ городъ Генуя —
 Дженова суперба (Genova superba *), какъ ее
 прозвали итальянцы.

*) Генуя превосходная.

Хороша она, эта мраморная красавица! Посмотрите на нее съ моря: на пологихъ уступахъ Аппенинскихъ горъ, какъ бы на террасахъ, раскинулся чудесный городъ, съ мраморными дворцами и церквами. Гавань густо, будто лѣсомъ, уснащена высокими мачтами кораблей и толстыми трубами пароходовъ. Не даромъ Генуя самый богатый торговый городъ Италіи! На пристанѣ толпятся матросы и разный торговый народъ. Длинная линія желѣзной дороги извивается тутъ же, для перевоза съ кораблей товаровъ; а надъ нею, на высокихъ, толстыхъ аркахъ, тянется широкая, будто бульваръ, длинная-предлинная терраса изъ бѣлаго мрамора. Что за прогулку представляетъ она, раннимъ утромъ, когда солнышко еще низко за сосѣдними горами; или вечеромъ, когда оно уже скроется. Что за видъ съ нее на море и на красивыя очертанія ближайшихъ береговъ.

Смеркнется. Вспыхнетъ ярко огонь на высокомъ маякѣ, онъ поднимается на 159 метровъ надъ моремъ, возвышаясь на отдѣльной скалѣ, далеко выдающейся въ море. Вспыхнутъ и газовые фонари на мраморной террасѣ, по которой тихо двигаются или сидятъ на диванчикахъ гуляющіе. А какъ придутъ лунныя ночи, да обольетъ лунный свѣтъ и тихое море, и террасу, и красивый городъ,—такъ просто и уйдти не хочется съ мраморной террасы.

Пріѣхали мы въ городъ по желѣзной дорогѣ. Прямо передъ грандіознымъ, наряднымъ зданіемъ станціи, возвышается превосходный памятникъ Христофора Колумба, изъ чистѣйшаго, бѣлаго мрамора. Великій мореплаватель, открывшій Америку, былъ генуэзецъ. Онъ родился *) въ побережной деревнѣ Каголетто, лежащей между Савойей и Генуей. На памятникѣ онъ изображенъ стоящимъ во весь ростъ, опираясь на якорь. У ногъ его Америка, въ видѣ колѣнопреклоненной женщины. Высокій пьедесталь украшенъ корабельными носами. Кругомъ памятника разбитъ прелестный,

*) Въ 1447 году.

маленькій скверъ, или цвѣтникъ, густо наполненный всевозможными, чисто тропическими растеніями, какъ: перистыя пальмы, широколистные музы, великолѣпныя юкки, съ цѣлымъ букетомъ огромныхъ бѣлыхъ цвѣтовъ-колокольчиковъ; цикусы, магноліи и пр.

Странный видъ представляетъ этотъ старинный, когда-то могучій городъ, могучей Генуэзской республики, съ рядами потемнѣвшихъ мраморныхъ дворцовъ, украшенныхъ статуями, съ фигуристыми мраморными украшеніями вокругъ оконъ съ рѣшетками и у громаднхъ, будто ворота, дверей. За дверями этими, съ затѣйливо выточеннымъ гербомъ наверху, открываются широкія сѣни, отъ которыхъ по обѣимъ сторонамъ идутъ вверхъ мраморныя лѣстницы, а въ глубинѣ сѣней виднѣется внутренній садикъ съ блестящей зеленою апельсиновыхъ деревъ съ ихъ оранжевыми плодами. Многіе изъ этихъ дворцовъ теперь опустѣли. Ихъ богатые владѣльцы, аристократы итальянскихъ фамилій, живутъ въ Римѣ, Парижѣ и другихъ городахъ. Словоохотливый привратникъ покажетъ вамъ всѣ парадныя комнаты, содержимыя въ отличномъ порядкѣ. Вы увидите ряды великолѣпныхъ залъ, съ мозаичными, будто ткаными, потолками, съ росписными стѣнами, съ потемнѣвшими портретами и превосходными картинами великихъ художниковъ Италіи, съ старинной позолоченной мебелью и высокими каминами, уставленными массой дорогихъ бездѣлушекъ. А изъ высокихъ, будто двери, оконъ залы открывается видъ на мраморныя террасы, окруженныя садами, съ пересохшими фонтанами, потемнѣвшими статуями и веселой зеленою апельсиновыхъ рощъ.

Нѣкоторые дворцы перешли въ руки торговыхъ людей и утратили свой внутренній блескъ. Только съ прежнимъ горделивымъ величіемъ смотрятъ на васъ ихъ наружныя мраморныя стѣны. А тутъ же почти рядомъ, въ глубь города идутъ узенькіе переулочки, гдѣ кипитъ жизнь мелкаго народа. Маленькія лавочки со всевозможнымъ товаромъ, разложенномъ на виду; торговцы и торговки сидятъ тутъ же

на улицѣ, съ какой нибудь работой, переговариваясь или перебраниваясь во всю глотку. Тутъ же барахтаются черномазые ребятишки. Тутъ же, подлѣ протянутой, иногда черезъ улицу, отъ одного окна къ окну противоположнаго дома, веревки съ повѣшеннымъ по ней для просушки бѣльемъ, граціозно перевѣсилась зеленая вѣтвь винограда, что стелется по дому; а внизу бьетъ свѣтлой струей вода фонтана, ниспадая въ старый бассейнъ изъ совсѣмъ почернѣвшаго мрамора съ фигуристыми украшеніями чудесной работы.

Собираясь забраться въ уютный уголокъ въ окрестностяхъ Генуи, я только случайно коснулась города, обойти его нельзя: слишкомъ хорошъ, слишкомъ много говорятъ его потемнѣвшіе мраморные дворцы. Не буду говорить вамъ ни о новыхъ его улицахъ, съ красивыми домами, ни о его садахъ, церквахъ и музеяхъ; ни объ его дивномъ соборѣ Санъ-Лоренцо, снаружи и внутри выложенномъ полосами бѣлаго и чернаго мрамора; упомяну только о Палаццо Муниципіо *), въ которомъ хранятся дорогія не только для итальянцевъ, но и для всего образованнаго міра — рѣдкости: собственноручныя письма Христофора Колумба, вставленные въ золотыя рамки, превосходные мозаичные портреты, какъ его, такъ и знаменитаго мореплавателя Марка Паоло; черная каменная доска, на которой начертано донесеніе Римскому сенату о событіи рожденія Іисуса Христа; скрипка знаменитаго музыканта Паганини **), хранящаяся въ отдѣльномъ альковѣ, подъ стекляннымъ колпакомъ, гдѣ она утверждена стоя, прикрѣпленная внизу маленькой золотой лирой, и тутъ же футляръ отъ этой скрипки со струнами и портретъ Паганини. Наконецъ, знамя Гарибальди, великаго итальянскаго патріота, способствовавшаго ея объединенію.

*) Зданіе Городской Думы.

**) Біографію скрипача Паганини смотри въ № 10 „Игрушечки“ за 1880 г.

II.

Въ часовомъ разстояніи отъ Генуи, по дорогѣ къ Савойѣ, находится крошечный городокъ Пельи. Вдоль набережной низкаго берега, сливающагося съ моремъ, тянутся сначала пригородныя виллы богачей, съ обширными садами, уходящими въ глубь и поднимающимися террасами, по уступамъ горъ. Затѣмъ идутъ уютныя отели, тоже съ садами, лѣтомъ полныя прїѣзжающихъ для морскаго купанья. Далѣе дома обывателей и заканчиваются извилистой лѣстницей, что лѣпится межъ скалъ и ведетъ къ старому монастырю Св. Антонія.

Утро. Солнце еще низко. Слѣва мягко рисуются въ прозрачномъ, золотистомъ эфирѣ очертанія Генуи. Тихо, будто играя съ берегомъ, набѣгаетъ на него морская волна и тихо журча катится назадъ, другая замѣняетъ ее. Изъ купальныхъ домиковъ, построенныхъ на самомъ берегу, выползаютъ ихъ сторожа. Вотъ длинная, слегка сгорбленная фигура стараго Амброджіо, въ синей матросской рубашкѣ, запрятанной въ темныя панталоны, плотно обхватывающіе его тонкія ноги, и въ соломенной шляпѣ, съ поломанными полями. Вотъ вылѣзла и приземистая старушка, его жена, и принялась раскладывать на сухомъ, крупномъ пескѣ не совсѣмъ просохшіе въ ночь купальныя башмаки.

Тихо, но бодро двигается по дорогѣ сильный, коренастый лошакъ, впряженный въ массивную телѣгу на лежащихъ рессорахъ. Голова его нарядно убрана длиннымъ пучкомъ древесныхъ вѣтокъ, которыя, мѣрно покачиваясь, разгоняютъ мухъ, готовыхъ облѣпить бѣдное животное. Отъ тѣхъ же докучливыхъ мухъ лошакъ покрытъ холщевымъ набрюшникомъ, привязаннымъ къ спинѣ. Подлѣ воза идетъ хозяинъ, скромный итальянскій крестьянинъ, въ полосатой рубахѣ, запрятанной въ коричневыя или синіе панталоны, съ накинутой иногда на одно плечо курткой и въ широкой соло-

менной или войлочной шляпѣ. Звонко пощелкиваетъ онъ длиннымъ бичемъ по сухой землѣ ровнаго шоссе, ободряя своего лошака лишь однообразнымъ крикомъ: пію, пію! Маленькій, сухопарый осликъ выступаетъ козыремъ, по временамъ упрямо вскрикивая, и широко раскрывая свою длиннозубую морду. Чистенькіе, длинные вагоны трамвея быстро катятся по рельсамъ, разомъ останавливаясь по желанію каждаго пассажира. По ту сторону домовъ летитъ поѣздъ желѣзной дороги, пуская бѣлые клубы дыма въ прозрачный воздухъ; далѣе ползутъ по уступамъ горъ зеленые лѣса, рощи и сады, среди нихъ мелькаютъ уютные домики.

Тихо, ровно идетъ жизнь въ маленькомъ городкѣ, сегодня, какъ вчера. Купанье въ морѣ; прогулки по ближнимъ окрестностямъ; поѣздки на трамвее по дальнѣйшимъ, вплоть до самой Генуи. Захочется прогулки простой, отправляйтесь въ глубь городка, узкая мощеная камнемъ дорога идетъ сначала вверхъ, межъ высокихъ домовъ и высокихъ каменныхъ заборовъ, поверхъ которыхъ выглядываютъ кудрявыя деревья садовъ. Свернули влѣво: дорожка стала еще уже; по обѣимъ сторонамъ только каменные заборы, черезъ нихъ перевѣсились свѣтло-зеленыя вѣтки винограднои лозы. Иногда, вверху отъ одного забора къ другому, черезъ дорожку, переброшенъ горбатый мостикъ. Вотъ дорожка съузилась еще болѣе. Какое-то старое зданіе, съ рѣшетчатыми окнами, вытянулось съ боку. Вотъ полувысохшая рѣчка съ узкимъ досчатымъ мостикомъ; за нимъ полу-обвалившаяся стѣна съ чугунными воротами; сочная зелень лѣзетъ изъ всѣхъ щелей и трещинъ. Вдоль рѣчки тянется узенькая тропочка. Мѣстность принимаетъ все болѣе дикій характеръ. Тропочка начинаетъ подниматься вверхъ. Все выше да выше; кусты разрастаются; тихая лѣсная сѣнь зарастаетъ уступы горъ. Вы садитесь отдохнуть. Стройныя итальянскія сосны съ плоской вершиной тихо шепчутся надъ вами. Дубъ, ольха, букъ, рябина, дикая фиѳа, съ поспѣвающими плодами,—переплелись листвою. Подлѣ васъ сѣверный верескъ съ его яр-

кими лиловыми цвѣточками и остролистый, южный миртъ. Прямо противъ васъ, на другомъ уступѣ, изъ чащи фруктовыхъ деревьевъ выглядываетъ бѣлый домикъ, съ верандой оплетенной виноградомъ. Внизу, надъ ручьемъ, поросшимъ кустами перистаго папоротника, тянутся высокія каменные арки стараго водопровода. Веселая апельсинная рошица прильнула къ нему и щеголяетъ блестящей листвою, въ со-сѣдствѣ задумчивыхъ сосенъ, а надъ всѣмъ раскинулось яркое, безоблачное итальянское небо...

Захочется вамъ прогулки понаряднѣй — идите въ одинъ изъ великолѣпныхъ садовъ богатыхъ виллъ, куда допускаются всѣ, съ особымъ провожатымъ. Изъ такихъ садовъ болѣе славится вила Паллавичини, огромный, великолѣпный садъ раскинутъ по уступамъ горы, съ аллеями пальмъ и агавъ; роши рододендровъ, олеандровъ, камелій; плантаціи апельсинныхъ и лимонныхъ деревьевъ; масса розъ и другихъ цвѣтовъ. Все это содержится превосходно, чуть не на каждомъ шагу, различныя затѣйливыя постройки и сюрпризы. Вотъ мраморный павильонъ съ прелестными статуями; часовня Мадонны; искусственныя развалины древне-рыцарскаго кладбища, гробницы котораго обвились ползучей зеленью. Тамъ, среди дикой мѣстности, со скалы шума ниспадаетъ каскадъ, въ прудъ, окруженный огромными листьями аройника и разнообразныхъ папоротниковъ. Тутъ триумфальная мраморная арка, на ея противоположной сторонѣ полу-заросшая травой и кустарникомъ — хижина. Поднявшись до верхней точки сада, вы приходите къ рыцарскому замку, съ нѣсколькими комнатами и высокой башней, съ балкона которой открывается широкій видъ на море, садъ, на всѣ владѣнія виллы, окрестныя мѣстечки и окрестныя горы.

Полюбовавшись этимъ видомъ, вы спускаетесь на другую часть сада и васъ встрѣчаетъ новая красота; опять новыя затѣи; новые храмы, хижинки, тѣнистые пруды. Пройдя нѣсколько сумрачныхъ гротовъ, вы вступаете въ сталактитовыя пещеры; надъ вами нависли своды, украшенные прихотли-

выми, блестящими сталактитами, покружившись по переходамъ пещеры, доходите до тихой водяной глади, на ней покачиваются лодочки, съ безмолвно-ожидаящими перевозчиками. Вы садитесь въ одну изъ лодокъ; перевозчикъ тихо отталкивается отъ берега, лодка, почти безъ звука, скользитъ по неподвижной водѣ, сначала подъ сводами сталактитовыхъ пещеръ, потомъ выплываетъ на зеркальную поверхность пруда, лежащаго выше уровня моря, обрамленнаго свѣжимъ дерномъ. Море лазурной гладью виднѣется внизу. Передъ вами, будто поднявшись прямо изъ воды, посреди пруда высится бѣлый мраморный храмъ Діаны; а по берегамъ пруда виднѣется то раззолоченный турецкій кіоскъ, то пестро-изукрашенная индѣйская пагода, то граціозно перекинутый черезъ узенькій канальчикъ мостикъ.

Вышли на берегъ—и являются диковинки другого рода, такъ называемая *gioca d'acqua* *). Вы идете не подозрѣвая ничего коварнаго, а вашъ провожатый, незамѣтно, пожметъ какую нибудь пружинку, скрытую въ газонѣ, или у ствола дерева,—и вдругъ, откуда-то изъ-подъ земли, поднимаются тонкія струйки воды, бьютъ со всѣхъ сторонъ, изгибаясь дугой, перекрещиваясь, вы попадаете въ заколдованный кругъ, выйти изъ котораго можно только сквозь эту тонкую водяную пыль. Такіе сюрпризы васъ преслѣдуютъ то на срединѣ мостиковъ, сѣли вы на низкія раззолоченныя качели, передъ вами является водяной букетъ, то привѣтствуютъ васъ при входѣ въ оплетенную зеленую бесѣдку. Но если вы не охотникъ до такихъ сюрпризовъ, вы можете заранѣе сказать проводнику, что не желаете попадать въ мокрые круги этой *gioca d'acqua*, и онъ будетъ предупреждать васъ объ этихъ сюрпризахъ, на которые вы будете смотрѣть со стороны.

---

*) Игра воды.

III.

Полуденный жаръ спалъ. На набережной работа кипитъ живѣе. Итальянцевъ напрасно обвиняють въ лѣни: итальянецъ, напротивъ, можетъ быть отличнымъ работникомъ. Мы привыкли всѣхъ итальянцевъ признавать за такихъ лѣнтяевъ, какъ южные неаполитанскіе ладзарони, вѣчно валяющіеся на берегу моря безъ дѣла, питающіе чѣмъ попало. Итальянскій рабочій, особенно средней и сѣверной Италіи, работаетъ отлично, неустойчиво и надобно удивляться силѣ этихъ худощавыхъ, большею частію приземистыхъ рабочихъ. Забавно видѣть готовность дѣтей принимать участіе въ трудахъ взрослыхъ. Они гордятся если имъ дають порученія. Что-нибудь тащить—для нихъ наслажденіе!

Вотъ важно выступаютъ два мальчугана въ бѣлыхъ рубахахъ, запряганныхъ въ засученные штанишки, положивъ на плечи длинное бревно; другой мчится, взваливъ на плечи какія-то щепки. На берегу взрослые рабочіе копошатся около большой, только что оконченной лодки, готовясь спустить ее въ воду. Въ одинъ мигъ откуда-то появилась ватага мальчугановъ. Засучивъ штанишки до колѣнъ, они облѣпили лодку. Рабочіе обрѣзають веревки сдерживавшія лодку и, съ криками, она быстро скользитъ съ подмостковъ въ воду. Миловидная дѣвочка, съ свѣтлыми волосиками, закрученными сзади въ косу, ловитъ куръ за ниточки, которыя привязаны къ одной изъ ихъ ногъ. Пуская куръ на такихъ ниткахъ, имъ легче за ними смотрѣть и ихъ ловить.

Солнце закатилось. Болтливыя прачки собрали бѣлье, что полоскали цѣлый день въ рѣчкѣ, отдѣляющей городскую часть отъ деревенской. За мостомъ, перекинутымъ черезъ рѣчку, возвышается паровая мельница; дальше деревня, съ каменными домами въ четыре и пять этажей,

сквозь окна видны штукатуренныя стѣны, старинная расписная мебель, съ фигуристыми шкапами, наполненными посудой. По стѣнѣ дома вьется дикій виноградъ. Кудрявое дерево выглядываетъ изъ-за забора; а подлѣ домовъ и внутри—идеть неустанная работа.

Если хотите заглянуть на трудъ, который идетъ не на ароматномъ воздухѣ, подѣ голубымъ небомъ, не въ скромныхъ стѣнахъ, — идите вотъ туда, въ пригородную, полугрязную, узкую улицу, въ это мрачное, будто тюрьма, зданіе шелковой фабрики, изъ оконъ которой, сквозь желѣзныя рѣшетки, несется удушливо-смердный запахъ обваренныхъ коконовъ.

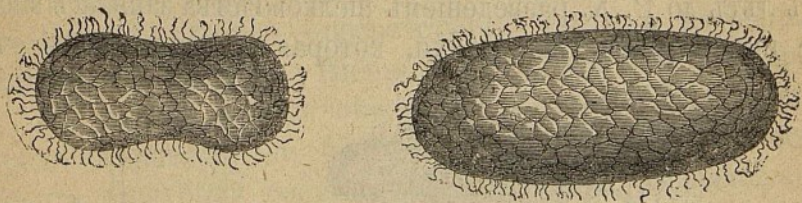
Но прежде чѣмъ заняться обработкою шелка на фабрикахъ, взглянемъ-ка на главнаго работника въ этомъ дѣлѣ, на шелковичнаго червяка и на его воспитаніе въ природѣ и среди людей.

Шелководство впервые проявилось въ Китаѣ, гдѣ растетъ въ дикомъ состояніи тутовое дерево или шелковица. На этой шелковицѣ живетъ одна изъ ночныхъ бабочекъ, называемая тутовымъ шелкопрядомъ. Бабочка эта не красива на видъ: съ толстымъ туловищемъ и бѣловатыми крыльями, безъ пятенъ. Тутовый шелкопрядъ кладетъ яички на листья шелковицы. Весною, какъ только распускаются почки шелковицы, изъ яичекъ выходятъ гусеницы или червячки и тотчасъ же принимаются ѣсть молодые листья. Червячки эти ѣдятъ очень много и растутъ быстро. Живутъ они около четырехъ недѣль, въ продолженіи которыхъ четыре раза линяютъ, т. е. мѣняютъ кожу, и послѣ каждой линьки становятся все болѣе прожорливыми. Послѣ послѣдняго сбрасыванья кожи, черви взлѣзаютъ на вѣтки повыше и начинаютъ выпускать изъ особенной трубочки, которая находится у нихъ подѣ ртомъ, очень тонкую, похожую на паутину, нитку. Этой ниткой червякъ прицѣпляется къ вѣткѣ.

Продолжая выпускать изъ трубочки нить, которая бываетъ бѣлаго, зеленоватаго, или желтаго цвѣта, онъ на-

чинаетъ растягивать ее рядами между нѣсколькими близкими одна къ другой вѣточками, пока не образуется между ними прозрачное, со всѣхъ сторонъ затянутое ниточками, гнѣздышко или коконъ. Но этимъ еще дѣло не покончилось.

Червякъ продолжаетъ выпускать нить и складывать ее вправо и влево правильными петельками, до тѣхъ поръ, пока перестаетъ быть прозрачнымъ.

Во время этой работы червякъ, конечно, часто поворачивается внутри кокона, отчего стѣнки кокона бываютъ почти равномерной толщины. Но коконъ былъ бы не плотенъ, еслибъ состоялъ только изъ нити; поэтому, кромѣ нити, червякъ пускаетъ въ одно время еще особенную клейкую жидкость, которою нити между собою склеиваются. Эта жидкость твердѣетъ на воздухѣ и сохраняетъ кокону свойственную ему правильную овально-удлиненную форму.

Когда коконъ совсѣмъ готовъ, червякъ уже внутри его линяетъ въ пятый разъ и затѣмъ превращается въ неподвижную куколку. Дней черезъ двѣнадцать, куколка превращается въ бабочку, бабочка выпускаетъ изо рта клейкую жидкость, которою размягчаетъ въ одномъ мѣстѣ коконъ и затѣмъ раздвигая или даже разрывая нити головою, постепенно высвобождается изъ кокона. Отдохнувъ немного, бабочка начинаетъ класть яички и, давъ жизнь тѣмъ новымъ созданиямъ, которыя должны выйти изъ этихъ яичекъ — сама умираетъ.

Когда люди познакомились съ жизнью тутоваго шелкопряда, начиная отъ яичка до бабочки, а затѣмъ разсмотрѣвъ и самый коконъ, увидѣли, что онъ состоитъ изъ одной непре-

рывной нити въ 235 сажень длиною, тогда стали собирать съ тутоваго дерева коконы шелкопряда и придумывать снаряды для размотки шелка.

Какъ я уже сказала, шелководство впервые проявилось въ Китаѣ. У китайцевъ есть преданіе, что еще за нѣсколько сотъ лѣтъ до Р. Х. разведеніемъ шелководства занялась впервые императрица Силингъ-хи, которая до сихъ поръ счи-

тается тамъ богинею шелководства. Въ Европу шелковыя матеріи были въ первый разъ привезены въ 46-мъ году до Р. Х. и были такъ дороги, что ихъ могли носить только короли. Происходило это оттого, что китайцы не хотѣли, чтобы какой нибудь другой народъ, кромѣ нихъ, зналъ какъ и откуда добывается шелкъ и позволяли вывозить изъ Китая только готовыя матеріи; за покушеніе же вывести сѣмена тутоваго дерева или яички шелкопряда назначалась смертная казнь.

Около 140 лѣтъ до Р. Х. одна китайская царевна была обручена съ бухарскимъ царемъ. Она такъ любила шелководство, что уѣзжая изъ Китая въ Бухару, зашила въ свою шапку нѣсколько сѣмянъ шелковицы и яичекъ шелкопряда. Пограничная стража не рѣшилась осматривать шапку царевны—и черезъ то шелководство скоро распространилось и въ Бухарѣ. Отсюда,—посредствомъ разныхъ хитростей,—перешло въ Персію, Индію и другія азіатскія государства.

Въ Европу первая сѣмена шелковицы и яички шелкопряда принесли,—въ 555 году по Р. Х.—два греческихъ монаха. Они были посланы въ Китай для распространенія тамъ Св. Писанія, а вмѣстѣ съ тѣмъ изучили и шелководство. Сѣмена и яички они скрыли въ своихъ тростниковыхъ палкахъ и поднесли ихъ греческому императору Юстиніану. Развившись въ Греціи, шелководство перешло въ Испанію, Италію и Францію. Во Франціи оно сначала прививалось очень медленно, но потомъ достигло такихъ успѣховъ, что теперь ліонскія шелковыя издѣлія считаются лучшими въ свѣтѣ.

У насъ въ Россіи шелководствомъ успѣшно занимаются только на Кавказѣ и въ Закавказьѣ.

С. Лаврентьева.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПОЛОСЫНЬКА.

АСПАХАЛЪ бы я полосыньку,
Я засѣялъ бы ее,
Да бѣда! житье крестьянское
Незавидное житье!

* * *

У сосѣда уродилось
Много хлѣба въ старшій годъ,
Сбылъ онъ подати тяжелыя,
Припѣваючи живеть.

* * *

У меня же ни полосыньки
Нѣтъ, ни жита въ закромахъ,

Только податей накоплено,
Только весь-то я въ долгахъ!

* * *

У сосѣда чаша полная
Домъ... работница жена...
У меня землянка ветхая
Малолѣтками полна!..

* * *

Все больные да голодные!
Никакой отрады нѣтъ...
Эхъ, ты горе неотвязное!
Опостылѣлъ бѣлый свѣтъ!

* * *

Распахалъ бы я полосыньку,
Я засѣялъ бы ее...
Да бѣда! житье крестьянское
Незавидное житье!

Н. Лановъ.

М А М И Я.

Ну, тащися, сивка,
Пашней-десятиной:
Выбьлимъ желѣзо
О сырую землю.

* * *

Весело на пашнѣ...
Ну, тащися, сивка!
Я самъ другъ съ тобою,
Слуга и хозяинъ.

* * *

Пашенку мы рано
Съ сивкою распашемъ,
Зернышку сготовимъ
Колыбель святую.

* * *

Его вспоить, вскормить
Мать земля сырая,
Выйдетъ въ полѣ травка,
Выростетъ и колосъ,
Станетъ спѣть, рядиться
Въ золотыя ткани.

* * *

Съ тихою молитвой
Я вспашу, посѣю...
Уроди мнѣ, Боже,
Хлѣбъ—мое богатство.

Кольцовъ.

РЕСТЬЯНИНЪ ведетъ свой плугъ по пашнѣ. Плугъ глубоко врѣзывается въ землю, выворачивая ее цѣлыми пластами, переворачивая эти пласты верхней стороною внизъ, нижней вверхъ и оставляя глубокую борозду. Тяжело идетъ маленькая, мохнатая крестьянская лошадка по полю, крестьянинъ, время отъ времени, вынимаетъ изъ земли плугъ, поправляетъ и направляетъ его прямѣе и ровнѣе. Крупныя капли пота катятся по его загорѣлому лицу. Видно, что трудъ не легокъ. Крестьянинъ, проведя борозду и дойдя до межи, остановился, отеръ съ лица потъ и далъ нѣсколько минутъ отдохнуть своей лошадкѣ. Потомъ приподнял плугъ, заворотилъ его и началъ проводить около

первой борозды новую. Пласты земли выворачивались и ложились другъ возлѣ друга.

Растенія, для своего питанія и для образованія своего растительнаго тѣла, какъ-то: клѣточекъ, слоевъ утолщенія, содержамаго клѣточекъ и пр., и пр., принимаютъ органическія и неорганическія вещества изъ почвы и атмосфернаго воздуха, и нуждаются въ водѣ, она необходима не только для того, чтобы растворять питательныя вещества, принимаемыя растеніями изъ почвы посредствомъ просачиванія, но входитъ въ самый составъ растений, въ ихъ ткани. Кромѣ составныхъ элементовъ своихъ: углерода, водорода, кислорода, азота и различныхъ органическихъ веществъ, растенія нуждаются въ воздухѣ и теплотѣ. Для того, чтобы дать доступъ воздуха и тепла нижнимъ слоямъ почвы и корнямъ растений, почву разрыхляютъ въ садахъ, огородахъ, и перенахиваютъ въ поляхъ, сообразно почвѣ, на которой сѣютъ и, сообразно тѣмъ сѣменамъ, которыя сѣютъ. Почва же различна по своему составу: она бываетъ песчаная, когда въ ней больше песку; глинистая, если больше глины; известковая—съ излишкомъ извести; черноземная въ которой преобладаетъ перегной, продуктъ гніенія различныхъ органическихъ веществъ. Всѣ эти вещества, входятъ въ составныя части и растений. На различныхъ почвахъ произрастаютъ и свойственныя имъ растенія. Песчаная почва отличается рыхлостью, въ нее свободно проникаютъ воздухъ и вода; но скоро согрѣвается подъ солнечными лучами и скоро охлаждается: для распашки она самая легкая, но не удобная для посѣва. Глинистая очень плотна, въ нее вода проникаетъ съ трудомъ и, скопляясь на ея поверхности, мѣшаетъ воздуху проникать въ нижніе слои, и корни растений, безъ воздуха, не могутъ прозябать; да кромѣ того, постоянное испареніе воды дѣлаетъ глинистую почву холодной, а въ сухое время твердой; въ морозы же она даетъ трещины, которыя не только обнажаютъ корни растений, но и разрываютъ ихъ. Если же такая почва содержитъ

въ себѣ песокъ, то улучшается и называется уже суглинистой. Известковая почва отличается бѣловатымъ цвѣтомъ, легко пропускаетъ воду и медленно согрѣвается подъ лучами солнца, это неудобно для культурныхъ растений. Но если въ такой почвѣ есть глина, она становится лучше и называется рухлякомъ. Черноземная или перегнойная почва самая лучшая. Она легко проникается атмосфернымъ воздухомъ и поглощаетъ солнечную теплоту, не такъ скоро высыхаетъ и не такъ скоро остываетъ, какъ песокъ. Въ ней не застаивается вода, а въ сухомъ видѣ она не твердѣетъ, но разсыпается. Въ такой почвѣ растенію привольно, тепло и сытно. Но и черноземная почва можетъ быть не плодородна: когда въ ней черезъ-чуръ много перегноя.

Первымъ условіемъ земледѣлія—знаніе почвы, съ которой имѣютъ дѣло, различныя почвы требуютъ различнаго удобренія, и различной обработки. Въ одну слѣдуетъ прибавить песку, въ другую глины, въ третью чернозема или перегноя и пр. Точно также, одну надо вспахать или взрыть глубоко, другую мельче и т. д.

Почти каждое растеніе требуетъ особенной пищи, слѣдовательно и особенной почвы. Если замѣтимъ мѣсто, гдѣ въ изобиліи растетъ ковыль, то почва известковая, если растетъ лебеда, то преобладаетъ въ почвѣ кали; на глинѣ растетъ гусиная лапка или марь дорожная, на известковой землѣ—мать и мачиха.

Опытный пахарь сразу узнаетъ съ какой землею имѣетъ онъ дѣло. Спросите у любого крестьянина: онъ вамъ прямо скажетъ, какая передъ нимъ почва. Слишкомъ плотную надо разрыхлить, слишкомъ рыхлую сдѣлать плотнѣе. Разрыхляютъ землю частой, глубокой вспашкой, плугомъ, чтобы дать нижнимъ слоямъ земли доступъ воздуха, тепла и воды. Да кромѣ того, въ хорошо разрыхленной землѣ сорныя травы вырываются съ корнями и выворачиваются наружу, тогда онѣ не могутъ разростаться, а пока зерна сорныхъ травъ разовьются, посѣянные въ такой землѣ сѣмена культурныхъ ра-

стеній возмуть силу и заглушать сорныя травы. Вспаханная земля ложится громадными пластами, пласты эти надо еще разбить, и тогда сѣять. Для этого употребляютъ борону.

Боронить работа легкая, и достается даже дѣтямъ, отцы которыхъ пахутъ. Вспахавъ и заборонивъ пашню, принимаютъ ее засѣвать. Сѣять повидимому просто, однако не всякій сѣумѣетъ. На это необходима привычка и снаровка. Хотясѣмяна разбрасываются по полю горстями, но надо ихъ разбросать такъ, чтобы они легли ровно.

По забороненной пашнѣ идетъ крестьянинъ, на шеѣ у него кузовокъ съ сѣменами, и онъ горстями разбрасываетъ по полю сѣмена. Сдѣлаетъ шагъ и броситъ горсть сѣмянъ, сдѣлаетъ другой и броситъ новую горсть и такъ далѣе, пока не выйдетъ всего поля. Сѣмена ложатся поверхъ земли. Почти вслѣдъ за сѣятелемъ, является парень съ бороною боронить пашню, чтобы прикрыть и завалить сѣмена землею, иначе они засохнутъ или ихъ склюютъ птицы. Не рѣдко борона замѣняется деревяннымъ каткомъ.

За пахаремъ часто слѣдуютъ грачи, галки и вороны; они подбираютъ личинокъ и гусеницъ, которыя выкапываются изъ земли и находятся въ вывороченныхъ плугомъ или сохою пластахъ.

Такъ какъ растенія получаютъ пищу изъ почвы, то запасъ потребленныхъ растеніемъ питательныхъ веществъ въ почвѣ, на которой такое растеніе росло, уменьшается и въ почвѣ остаются вещества, не нужныя имъ, но годныя для другихъ растеній. Всѣ злаки вообще и хлѣбныя въ особенности требуютъ кремнезема и фосфора, потому что въ ихъ растительномъ тѣлѣ находятся кремнекислыя и фосфорокислыя соли; бобовыя растенія нуждаются въ щелочахъ и проч., поэтому растенія на одной и той же почвѣ должны перемѣняться.

Появленіе однихъ растеній вмѣсто другихъ называется чередованіемъ растеній; такое чередованіе часто совершенно измѣняетъ видъ мѣстности.

Первобытные земледѣльцы, т. е. первыя осѣдлыя племена, начавшія воздѣлывать землю, сначала разрывали ее чѣмъ попало; потомъ, мало по малу, опытъ довелъ ихъ до изобрѣтенія сохи, косули, плуга и другихъ земледѣльческихъ орудій, облегчающихъ трудъ и лучше воздѣлывающихъ землю, которой тогда было много и на которой почти никто не сѣялъ, почему и хлѣбъ безъ большаго труда родился отлично. По мѣрѣ размноженія людей, земля разрабатывалась все болѣе и болѣе, наконецъ пришлось сѣять по нѣскольку разъ на однихъ и тѣхъ же поляхъ, и хлѣбъ началъ родиться все хуже и хуже. Тутъ люди поняли, что нельзя по нѣскольку разъ сѣять на одномъ и томъ же полѣ одинъ и тотъ же хлѣбъ; во-первыхъ, потому что земля, какъ говорится, вырождается, т. е. теряетъ свою питательную силу, особенно отъ посѣвовъ хлѣбныхъ злаковъ; во-вторыхъ, что земля истощается особенно когда на ней сѣется одинъ и тотъ же хлѣбъ, истощенную землю можно исправить или давши ей отдохнуть или удобривши. Тогда они стали дѣлить поля такъ, какъ это дѣлается и теперь. Въ концѣ лѣта, въ іюнѣ или іюлѣ, одно поле удобряется, т. е. на него вывозится навозъ, который раскидывается по всему полю, и поле запахивается; потомъ перепахивается, боронится и засѣвается озимовымъ хлѣбомъ. Озимовымъ хлѣбомъ называется рожь, пшеница, которыя сѣются подъ зиму. Рожь, посѣянная осенью, будетъ сжата лѣтомъ. На будущую весну на этомъ самомъ полѣ, безъ удобрения, сѣются яровая хлѣба, овесъ, или ячмень, или яровая пшеница, такіе хлѣба, которые подъ зиму не сѣются. Землю вспашутъ, взборонятъ и засѣютъ. На слѣдующій годъ эта земля останется подъ паромъ, т. е. на отдыхѣ, невоздѣланной: она покроется растительностью, которая въ послѣдствіи, при обработкѣ поля, или сожигается или запахивается, эти растенія возвращаютъ въ почву отнятыя у ней питательныя вещества. Кромѣ того, поле, находясь подъ паромъ, увеличиваетъ количество своихъ пи-

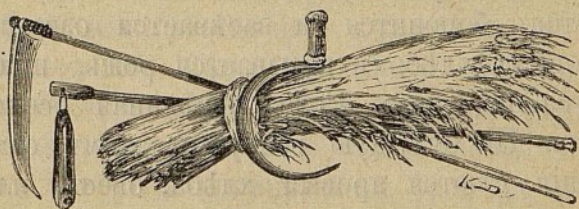

тательныхъ веществъ въ ней, что, вслѣдствіе вывѣтриванія, разлагаются находящіяся въ почвѣ частицы горныхъ породъ и что ею поглощается въ большомъ количествѣ углекислота и амміакъ изъ атмосфернаго воздуха. Такое чередованіе культурныхъ растений называется плодоперемѣннымъ хозяйствомъ.

Дико растущія растенія возвращаютъ почвѣ то, что отымаютъ у ней для своего питанія хлѣбныя растенія, такъ какъ ихъ корни остаются въ землѣ и сгниваютъ, а зеленныя части, стебли, листья падаютъ на землю разлагаются, и служатъ почвѣ какъ удобреніе. Тоже самое происходитъ и въ лиственныхъ лѣсахъ: опадаютъ листья, ломаются вѣтки и падаютъ на землю, отваливается съ деревьевъ кора и сидятъ старые пни,—все это перегниваетъ и удобряетъ землю, и земля, на которой растетъ лѣсъ, не истощается, но пока существуетъ лѣсъ, все болѣе и болѣе удобряется.

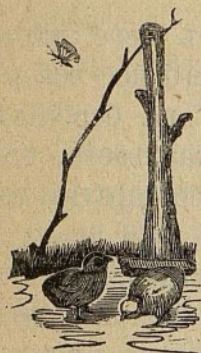
Е. Н. Бороздиной.

* Сокращено изъ сочиненія „Годъ въ деревнѣ“.

ПЛУГЪ.

БѢЛЫЙ знойный день догаралъ. На поляхъ торопливо доспѣвала работа. Жара спала, легкій вѣтерокъ пробѣжалъ по золотистому морю колосьевъ и донесъ отголоски пѣсенъ на отдаленную пашню, которая чернѣла между скошенными лугами и желтѣющими нивами. Тамъ одинокій пахарь медленной поступью шелъ за сохой, подпирая и встряхивая ее, ласковымъ голосомъ ободрялъ свою бурую, лохматую лошаденку, которая какъ и онъ не торопясь, принатуживаясь, довольно бодро шагала впередъ. Какъ бы въ отвѣтъ на голосъ хозяина она взмахивала хвостомъ, и поворачивала головой.

Остановится пахарь, откинетъ волосы назадъ, сотретъ съ лица потъ и снова за дѣло. Борозда взрывается около борозды. Шагъ за шагомъ борется человѣческій трудъ съ упорной землею нашей сѣверной полосы.

Сосредоточенный видъ крестьянина и черная полоса земли среди картины жатвы обратили вниманіе шедшихъ по дорогѣ двухъ мальчиковъ съ корзинами грибовъ. Ихъ сопровождалъ молодой человѣкъ одѣтый, какъ и они, въ парусиновые блузы. Они остановились.

— Интересно знать, сказалъ одинъ изъ мальчиковъ, кто изобрѣлъ соху и плугъ?

— Изобрѣтеніе сохи и плуга, отвѣчалъ молодой человѣкъ, приписывается греками Триптолену, королю Эгезіи, но это сомнительно, плугъ былъ извѣстенъ раньше. Гезіодъ, современникъ Гомера, въ своихъ произведеніяхъ, — „Дни“ и „Дѣло“, уже говоритъ о хлѣбопашествѣ, даетъ много разумныхъ совѣтовъ и между прочимъ рассказываетъ объ обычаяхъ древнихъ Фараоновъ, ежегодно послѣ орошенія Нила, изъ воротъ Мемфиса, вывозить собственноручно плугъ и, съ большой церемоніей, въ присутствіи всего народа своими царскими руками прорѣзывалъ первую борозду по плодоноснымъ полямъ.

Китайцы, которые уже 6,000 лѣтъ ведутъ свое лѣтосчисленіе, съ незапамятныхъ временъ ежегодно совершаютъ обрядъ: „союзъ скипетра съ сохою“ на берегахъ Желтой рѣки. Этотъ символическій союзъ доказываетъ, что Китай раньше Европы созналъ, что сила государства въ богатствѣ и производительности его полей.

Мальчики внимательно слушали этотъ рассказъ. Въ это время крестьянинъ остановился у дороги, чтобы дать отдохнуть своей лошаденкѣ и вынулъ изъ-за пазухи глиненную трубку. Молодой человѣкъ подошелъ къ нему и попросилъ огня закурить папироску, а дѣти воспользовались оставкой, чтобы осмотрѣть его орудіе.

— Что это плугъ или соха? спросилъ одинъ изъ нихъ.

— Соха, батюшка, соха! добродушно улыбаясь, отвѣтилъ пахарь, у насъ плугомъ не пашутъ! Земля не таковая! Нашу-то кормилицу земельку лишь сверху легонько вспахиваютъ. Внизу она плоха: глина, либо песокъ. Черноземъ, тотъ плугомъ пашутъ. Плугъ глубоко взрываетъ борозду и выворачиваетъ жирную землю. Да и хлѣбъ тамъ родится не нашему чета! Ну, да и работа другая! двѣ да три пары тянутъ плугъ, пахарь ведетъ, а одинъ или два мальчика погоняютъ воловъ. Видѣлъ я такую работу когда въ

Малороссіи солдатомъ съ полкомъ стоялъ, объяснилъ онъ, обращаясь къ молодому человѣку. Да! земля тамъ сытая! Никакъ гроза будетъ, сказалъ пахарь, смотря на приближавшуюся тучу, и запрятавъ трубку за пазуху, взялся за возжи.

— Да, дождемъ пахнетъ. Ну, дѣти, шагу надо прибавить, до грозы домой поспѣть.

Всѣ простились съ крестьяниномъ и пошли по дорогѣ бодрымъ шагомъ.

Гроза быстро приближалась. Пронесся порывъ вѣтра, сорвалъ фуражку съ одного изъ мальчиковъ и покатилъ куда то въ поле. Онъ побѣжалъ за нею и разсыпалъ грибы.

— Лови фуражку, крикнулъ ему братъ. Грибы-то мы собираемъ.

Мальчикъ поймалъ фуражку и они быстро продолжали путь.

Все затихло, вдругъ среди безмолвія, прокатился первый раскатъ грома, блеснула молнія и крупныя капли дождя упали имъ на шею и на руки.

Изъ-за зелени сада виднѣлся барскій домъ. Дождь пошелъ сильнѣе. Дѣти быстро добѣжали до дома и вошли въ столовую. Тамъ уже шумѣлъ на столѣ самоваръ, и на большомъ блюдѣ краснѣла крупная клубника, а въ горшкѣ желтѣли сливки.

Въ столовую вошла маленькая старушка съ умными глазами и пріятной, добродушной улыбкой.

— Ну, во время вернулись, проговорила она тихимъ, ласковымъ голосомъ, усаживаясь въ большое, мягкое кресло, которое подвинулъ ей старшій мальчикъ. Это была бабушка дѣтей. Славные грибы, сказала бабушка, разбирая высыпанные на подносъ боровики и березовики—пускай къ ужину изжарятъ намъ.

Между тѣмъ гроза пронеслась, мелкій дождь кропиль сквозь солнце близившееся къ закату. Раскрыли окна, въ комнаты пахнуло свѣжестью, травой, цвѣтами, дождемъ.

— Что-то нашъ пахарь? сказали дѣти, добрался ли до-
мой до грозы.

— Что за пахарь? спросила бабушка.

— Мы встрѣтили крестьянина съ сохой, пашеть поле,
дѣти заинтересовались сохой.

— Въдъ нашу-то землю и нельзя пахать иначе какъ
сохой, сказалъ меньшей мальчикъ, — не черноземъ.

— Знаю, отвѣчала бабушка, да и въ черноземной-то
полосѣ все еще пахутъ старымъ неповоротливымъ плугомъ,
впрягая въ него три пары воловъ, а иногда четыре. Ме-
жду тѣмъ уже лѣтъ сорокъ какъ всюду введенъ другой плугъ.

— Культура, замѣтилъ молодой человѣкъ, не смотря на
наши усилія, только поверхностно заглянула къ намъ. Это
больше всего чувствуется въ нашемъ сельскомъ хозяйствѣ.

— Да развѣ за-границею сельское хозяйство обставлено
лучше нашего? спросилъ старшій мальчикъ.

Въ Англіи хлѣбопашество давно и достигло той сте-
пени совершенства, на которой и теперь стоитъ. Фран-
ція позже узнала силу и значеніе сельскаго хозяйства,
но благодаря своей богатой, плодородной почвѣ скоро на
ряду съ Англіей заняла одно изъ первыхъ мѣстъ въ сель-
скомъ хозяйствѣ. Невольно вспоминается великое слово
славнаго Конэтабла Дюгескина, который встрѣтивъ од-
нажды на своемъ пути толпу поселянъ и спросивъ ихъ,
куда они отправляются, на отвѣтъ, что они идутъ сѣять
рожь, воскликнулъ: ступайте, ребята, ступайте сѣйте хлѣбъ
и помните, что плодovitость земли способствуетъ къ разви-
тію крѣпкаго, здороваго поколѣнія и храбрыхъ, мужествен-
ныхъ солдатъ. Чѣмъ больше колосьевъ будетъ во Франціи,
тѣмъ менѣе будетъ въ ней враговъ.

— А чѣмъ же пахутъ въ Англіи и во Франціи. Тѣмъ же
плугомъ какъ въ Малороссіи?

— Нѣтъ, отвѣчала бабушка, тамъ такой плугъ почти вы-
велся изъ употребленія. Только въ тѣхъ мѣстахъ, куда еще
не успѣла проникнуть культура, пахутъ имъ. Старый плугъ

былъ усовершенствованъ и передѣланъ въ тридцатыхъ годахъ простымъ французскимъ крестьяниномъ по имени Гранже. Онъ употребляется теперь во всей Франціи и почти во всей Европѣ. Изобрѣтеніе или усовершенствованіе новаго плуга произошло во время моего пребыванія во Франціи, и если ты хочешь, я расскажу вамъ эту простую, трогательную исторію.

Допивши свою чашку чаю, бабушка отставила чашку и начала свой рассказъ.

— „Это было, какъ я уже сказала вамъ, въ 30-тыхъ годахъ, мы съ отцомъ жили въ Парижѣ. Я сопровождала отца въ окрестности Парижа, повсюду, куда приглашали его. Это были дома, въ которыхъ собирались люди умные, и велись серьезные разговоры о наукахъ, о вопросахъ дня. Въ первое время я очень скучала, но мало по малу начала понимать что говорилось вокругъ меня и наконецъ заинтересовалась этими разговорами. Однажды при мнѣ осыпали разспросами одного ученаго, только что вернувшагося изъ Лотарингіи, куда онъ былъ посланъ предсѣдательствовать въ ученой комиссіи, составленной для разсмотрѣнія только что изобрѣтеннаго плуга. Я не стану повторять всѣ ученыя замѣчанія, а передамъ вамъ его простой рассказъ.

„Въ большой фермѣ, говорилъ онъ, близъ города Викъ департамента Мерта, въ Лотарингіи, нанялись въ рабочіе два крестьянина изъ Гароля за Эпиналемъ. Одного звали Жанъ Жозефъ Гранже, другаго Жакъ. Самая искренняя привязанность связывала ихъ и Жанъ Жозефъ, окончивъ свое дѣло, всегда успѣвалъ пособлять Жаку, усердному, но слабому здоровью. У него, какъ говорится у насъ на Руси, смекалка была хорошая.

Однажды весною они оба отправились пахать огромное поле. Земля въ Лотарингіи хорошая: камней и корней мало. Жакъ съ батракомъ, который велъ воловъ, направилъ плугъ и медленно подвигаясь началъ взрывать рыхлую землю. Жанъ Жозефъ работалъ на другомъ концѣ поля и только изрѣдка

обертываясь, видѣлъ, какъ Жакъ съ трудомъ направлялъ тяжелый плугъ и всей тяжестью напиралъ на него. Вдругъ страшный толчокъ отбросилъ его въ сторону. Бросивъ свое дѣло, Жанъ Жозефъ побѣжалъ къ другу. Жакъ лежалъ безъ чувствъ на землѣ, воли стояли безъ упряжи, а плугъ лежалъ въ сторонѣ. Жанъ Жозефъ съ помощью батрака привелъ друга своего въ чувство. Причиной этого несчастія былъ большой камень, зарытый въ землю съ незапамятныхъ временъ. По формѣ и надписи ученые признали въ немъ подорожный камень римскаго владычества въ Галліи, но это объясненіе ни малѣйшаго утѣшенія не принесло несчастному Жаку, здоровье котораго сильно разстроилось. Жакъ таялъ съ каждымъ днемъ. Онъ чувствовалъ невыносимую боль въ подложечкѣ, какъ только принималъ малѣйшую пищу. Медики, къ которымъ онъ обратился, усилили его болѣзнь. Работалъ онъ съ величайшимъ трудомъ и только съ помощью вѣрнаго друга оканчивалъ свою дневную работу. Всѣ средства уходили на леченіе; наступала зима, жизненные потребности увеличивались, а средства бѣдняка истощались. Весною предстояла снова пашня, на которую онъ уже чувствовалъ себя не въ силахъ идти. Бѣдный Жакъ приходилъ въ отчаяніе. Часто говорилъ онъ своему другу:

— Плугъ кормилъ меня, а теперь онъ меня убьетъ, я это чувствую.

— Какъ бы передѣлать его, чтобы работать имъ стало легче, отвѣтилъ задумавшись Жанъ Жозефъ.

И съ тѣхъ поръ какая-то мысль видимо запала ему въ голову и не давала покоя.

Онъ постоянно возился съ плугомъ, осматривалъ со всѣхъ сторонъ отдѣльные части его, чертилъ мѣломъ на стѣнахъ, на дверяхъ, а въ своей коморкѣ, которую занималъ съ больнымъ Жакомъ, все чертилъ и мѣрилъ что-то на бумагѣ. Такъ прошла половина зимы.

Однажды Жакъ проснулся рано утромъ и увидѣлъ Жанъ Жозефа передъ дверью (бумаги у него не хватило), на ко-

торой онъ только-что начертилъ плугъ. Лицо его сіяло невыразимой радостью.

Нашелъ! закричалъ онъ Жаку, нашелъ тебѣ здоровье и счастье! Вставай!

Онъ точно въ лихорадкѣ потащилъ Жака къ каретнику, начертивъ ему мѣломъ все устройство новаго плуга, и сталъ объяснять свой планъ съ такимъ жаромъ и нетерпѣніемъ, путаясь въ словахъ, что каретникъ ничего не понималъ. Зная, что Жанъ Жозефъ никогда не пьетъ, онъ подумалъ, что онъ помѣшался. Но Жанъ Жозефъ успокоился, снова рассказалъ ему весь планъ. Тутъ каретникъ понялъ въ чемъ дѣло и расхохотался.

— Это ты братъ что задумалъ? Плугъ перестроить! Плугъ, которымъ еще наши дѣды пахали. Ну знаешь! на то надобно побольше ума, чѣмъ у насъ съ тобою. А я ужъ свое время и матерьялъ не потрачу на такой вздоръ. Не взыщи братъ, Жанъ Жозефъ.

Жанъ Жозефъ не оскорбился отказомъ каретника. Денегъ у него не было, обратиться къ другимъ нерѣшался рѣшился справиться и безъ нихъ. Купленный и даренный хламъ, въ родѣ гвоздей, ненужныхъ колесъ, ножей, стараго желѣза, все за обоюдныя услуги перерабатывалось кузнецомъ по указанію Жанъ Жозефа или имъ самимъ. Онъ соединялъ самъ съ помощью Жака всѣ составныя части и къ веснѣ новый плугъ былъ готовъ; сохраняя всѣ достоинства прежняго плуга, онъ къ нимъ присовокуплялъ необыкновенную легкость въ управленіи и передвиженіи.

Друзья потихоньку въ отдаленномъ полѣ сдѣлали первый опытъ. Плугъ двигался легко и свободно, какъ садовая тачка и прорывалъ такую же глубокую борозду, какъ прежній, въ самой твердой почвѣ.

Нечего говорить о торжествѣ Жанъ Жозефа, когда парижская компанія, пріѣхавшая въ іюнѣ въ Авикъ, одобрила его изобрѣтеніе и удостоила его награды. Но вдвое счастливѣе былъ Жакъ. Съ наступленіемъ весны здоровье

его стало поправляться, а счастье ускорило полное выздоровление. Другъ его, Жанъ Жозефъ Гранже, пріобрѣлъ извѣстность во всей Франціи и въ другихъ государствахъ. Онъ какъ бы положилъ начало преобразованію и усовершенствованію хлѣбопашества, но я желала бы, сказала бабушка, чтобы вы, дѣти, оцѣнили въ Гранже больше всего человека“.

Бабушка кончила свой рассказъ. Дѣти задумались.

— Имя Жанъ Жозефа Гранже, продолжала бабушка, хотя и извѣстно во Франціи и во всей Европѣ, но не внесено въ исторію, на страницахъ которой читають доблестный подвигъ Бертольда Шварца. А сколько нравственно выше стоитъ изобрѣтеніе перваго. Гранже улучшилъ способъ обрабатывать землю, поднялъ хлѣбопашество, отъ котораго зависитъ здоровье и сила народа, хлѣбъ составляетъ его главную пищу. А здоровое тѣло поддерживаетъ бодрость духа. Другой же внесъ въ міръ разрушеніе и смерть.

Да, великое дѣло умѣть отличить человека отъ изобрѣтателя, и какъ часто среди нужды и бѣдности проявляется самое возвышенное человеколюбіе.

Э. Энгель.

БАБУШКА.

ТО castrum doloris, отвѣчалъ торжественно станціонный писарь—ложе печали. Видите ли, дѣти, когда два саксонскіе короля Фридрихъ Августъ Справедливый и Антонъ Милостивый были уже похоронены, тогда въ католической церкви, на высокихъ подмосткахъ воздвигнули великолѣпный густой гробъ и обставили его множествомъ восковыхъ свѣчей, сверхъ того, совершалось печальное молебствіе съ музыкой и пѣніемъ. Бывшіе при этомъ торжествѣ воображали будто-бы король, въ самомъ дѣлѣ, лежалъ въ поставленномъ гробѣ и оплакивали его, смотря потому кто болѣе или менѣе могъ оцѣнить его достоинства. Этотъ castrum doloris посвященъ здѣсь, хотя и не королю, а бѣдному работнику извозчика, но увѣряю васъ, что ни одинъ король не былъ чистосердечнѣе и искреннѣе его оплакиваемъ, и при его погребеніи не пѣли такъ трогательно какъ предъ этимъ castrum doloris. Дѣти, если вы такъ же хорошо пропоете на моей могилѣ, какъ предъ этимъ холмомъ пѣли дѣти Кирбаха, кажется, я оживу отъ радости и изъ гроба закричу вамъ браво!

— Бабушка не слишкомъ расположена къ Кирбахамъ, сказалъ Оеда, старшій сынъ Дидриха; они забрызгали краской ея кисейное платье, и вообще обошлись съ ней слишкомъ свободно.

Станціонный писарь выпустилъ изъ рта густое облако дыма и сказалъ нѣсколько вспылчиво: г-жа консульша слѣпа и оттого видитъ иногда вещи съ ложной точки зрѣнія, или лучше сказать вовсе ничего не видитъ, отъ этого ничего и не понимаетъ.

— Кончено! а что Юлія написала страницу, которую я ей задалъ?

— Она еще и теперъ сидитъ надъ нею, отвѣчалъ Адольфъ, бабушка ее задержала.

— Почему же нѣтъ съ вами Лины? спросилъ станціонный писарь.

— Она по приказанію бабушки сидитъ въ комнатѣ въ наказаніе, за то что позабыла отставить скамеечку, черезъ которую бабушка едва не упала, отвѣчалъ Одея.

— Вѣдь она еще не упала, замѣтилъ писарь, пустивши облако дыму, сошло счастливо. Не должно ничего ставить на дорогѣ слѣпыхъ, чрезъ что они могли бы упасть, ни съ намѣреніемъ, ни отъ небрежности. Это запрещаетъ библія.

— Вашъ табакъ пріятно пахнетъ, какъ васильки.

— Да въ немъ и намѣшены васильки, отвѣчалъ писарь.

— Батюшка также любитъ курить, говорилъ Одея, только онъ куритъ всегда на воздухѣ, бабушка не любитъ табачнаго запаха, даже если имъ пахнетъ отъ платья. Когда батюшка покурить, то всегда перемѣняетъ сюртукъ.

— Ахъ! вскричалъ станціонный писарь, вѣрно консульша за то и не терпитъ меня, что у меня нѣтъ на смѣну другаго сюртука. Не правда ли, дѣти? Но оставимъ это, я не сержусь на нее и если бы ваша бабушка назвала меня...

— Она говоритъ только, сказалъ Адольфъ, что вы пропахли будкой.

— Недурно! сказалъ смѣясь станціонный писарь. Я читалъ въ исторіи, что древніе греки сооружали памятники даже надъ могилами враговъ своихъ. Несчастный Кирбахъ никогда не былъ врагомъ вашимъ и вы вѣроятно сохраните уваженіе къ его *castrum doloris*;—не раззоряйте его!

— О, конечно! возразили оба мальчика.

— Теперь старику пора домой, а вы ступайте за мной, сказалъ станціонный писарь, подбирая риѣмы.

Оба мальчика повисли на его рукахъ и образовавши трилистникъ отправились въ путь.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВЪ НЫНѢШНЕМЪ 1882 Г. СЪ ЯНВАРЯ ПО ІЮЛЬ ВЪ НАШЕМЪ ЖУРНАЛѢ БЫЛИ ПОМѢЩЕНЫ СЛѢДУЮЩІЯ СТАТЬИ:

I. Естествознаніе.

Поваренная соль. Кувшинникова. — Среди природы и людей. Лаврентьевой. — Синички. Богданова. — Каменный уголь. Д. С-ъ. — Райскія птицы. ** — Телефонъ. Петра Волчанскаго. — Черноземная равнина — житница русской земли. Богданова. — Черноземная почва. ** — Лѣсъ. ** — Коралль. **.

II. Біографія.

Эдиссонъ. Григорьевой. — Дѣтство и жизнь поэта. М. Цебриковой. — Квитко-Основа-ненко. ** — Иванъ Савичъ Никитинъ. Калустинной. — Гердеръ. Попова. — Іоаннъ Вольфгангъ Гете. Е. Добрыниной.

III. Повѣсти и Разказы.

Изъ дальнихъ лѣтъ. Т. Пассекъ. — Бѣлая маргаритка (съ англійскаго). А. С-ой. — Исторія одной статуэтки. Гр-ни Иды Капнистъ. — Родина и чужбина. Н. Поповой. — Орлиное гнѣздо. О. К. — Маленькій рудокопъ. — Нирица. Разсказъ Саши. . . . . — Скала Лорлей. М. К-ивой. — Добѣжій Осипъ. Н. Кувшинникова. — Ловля голубей. Элизы Оржешко (съ польскаго). — Исторія одного маленькаго негра. А. А-вой. — Жатва (изъ записокъ Багрова-внука). — Бабушка. Нирица.

IV. Стихотворенія.

Lago dell'isola bella. — Птички-синички. С. Дрожжина. — Отрокъ. С. Дрожжина. — Въ полѣ. Н. Панова. — Весна. Н. О. — Утро въ лѣсу. С. Дрожжина. — Неаполь. Н. О-въ. — Эмсъ. Н. О-въ. Рейнъ. Н. О-въ. — Деревенская идиллія. С. Дрожжина. — Миньона (изъ Гете, переводъ Гербеля). — Весеннія пѣсни. С. Дрожжина. — Весенняя пѣсня. С. Дрожжина. — Ребенку. Н. Барта. — Пѣсня объ урожаѣ. Н. Панова. — Нива. Майкова. — Блуждающій колоколь. Изъ Гете, пер. Н. Гербеля.

V. Географія и путешествія.

Изъ переписки двухъ друзей. Толивѣровой. — Очеркъ Воронежской губерніи. ** — Коралловый островъ на Тихомъ океанѣ. А. С-вой. — Дрезденъ. Толивѣровой. — Море. Неппога.

VI. Картинки.

Островъ Кипръ. — Маргаритка. — Малороссійскіе типы. — Синичка. — Эглантина. — Пинна. — Маргаритка. — Фіалка. — Вьюнецъ. — Плачущая ива. — Линней. — Малороссъ. — Домикъ въ Основѣ. — Грицко-Основьяненко. — Корабликъ. — Локомотивъ. — Малороссъ Воронежской губерніи. — Хижина потерпѣвшихъ кораблекрушеніе. — Селеніе на Коралловомъ островѣ близъ Новой Каледоніи. — Бабочка острововъ Каледоніи. — Дѣвушка Каледонскихъ острововъ. — Птицы острововъ Океаніи. — Райскія птицы. — Хижина жителей Полинезій. — Рейнскій видъ. — Нѣмецкіе типы. — Миньона. — Картофель. — Цвѣты дыни. — Макъ. — Гвоздика. — Левкой. — Видъ моря. — Дикарь острововъ Тихаго океана. — Кукушкины слезки. — Сосна. — Оляха. — Памятникъ Гете въ Берлинѣ.

Редакторъ-издательница **Т. ПАСЕКЪ.**

Доволено цензурою. С.-Петербургъ, 10 іюля 1882 г.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. № 11—2.